МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 33.

Гератскій бронзовый котелокъ

559 года гиджры (1163 г. по Р. Х.)

изъ собранія графа А. А. Бобринскаго.

ОПИСАЛЪ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

www.library.chersonesos.org

Рис. 1, 10/9 нат. вел.

Въ числѣ дошедшихъ до насъ датированныхъ и богато орнаментированныхъ металлическихъ сосудовъ древняго мусульманскаго востока, одно изъ первыхъ мѣстъ[1]) принадлежитъ бронзовому котелку — по персидски *кузича* كوزه‌چه по сартски *гуляча* گوله‌چه — украшающему художественное собраніе графа А. А. Бобринскаго. Назначеніе котелка ясно само собою: онъ служилъ для переноса кушанья. Этотъ котелокъ былъ купленъ въ Бухарѣ въ 1885 г. адъютантомъ туркестанскаго генералъ-губернатора М. Н. Шавровымъ и отъ послѣдняго пріобрѣтенъ его настоящимъ владѣльцемъ.

Издается котелокъ частію трехцвѣтною фотографіею въ исполненіи С. М. Прокудина-Горскаго съ рисунковъ, изготовленныхъ Е. Б. Барсуковой и ею немного пополненныхъ въ пострадавшихъ мѣстахъ, частію фототипіей, сдѣланной непосредственно съ оригинала. Детали воспроизведены посредствомъ цинкографическихъ клише.

Уже при поверхностномъ взглядѣ на котелокъ можно сказать, что онъ персидскаго происхожденія: во-первыхъ, по обилію человѣческихъ изображеній, во-вторыхъ, по самымъ сюжетамъ многочисленныхъ бытовыхъ сценъ. У мусульманъ суннитовъ не допускалось изображеніе людей ни въ видѣ рисунка, ни въ видѣ статуй. Конечно, встрѣчались исключенія, напр. на монетахъ, гербахъ, сосудахъ, даже мечетяхъ[2]), но всетаки ограниченно. Благочестивый же правовѣрный не рѣшится нарисовать даже животное. Мусульмане отщепенцы, т. е. шіиты, признающіе только коранъ, а не преданія (сунну), не видѣли никакого запрета своимъ художественнымъ стремленіямъ и широко развили живопись, въ особенности миніатюрную.

Изслѣдованій по данному вопросу существуетъ довольно много. Сводъ имъ сдѣлалъ профессоръ льежскаго университета Викторъ Шовэнъ[3]), высказавшій мысль, — съ которою,

---

1) Въ замѣчательномъ собраніи восточныхъ металлическихъ сосудовъ г. Мартина, обнародованныхъ, пока безъ текста, въ изданіи: Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient gesammelt von F. R. Martin, Stockholm, 1902, на первой таблицѣ отпечатанъ рисунокъ блюда, относимаго издателемъ, на основаніи палеографіи, къ XI-му столѣтію, вѣроятно по Лонперье (см. Oeuvres de A. De Longpérier, Paris, 1883, t. I, p. 388—9; воспроизведеніе соотвѣтствующей надписи находится вверху 389-й страницы), который опредѣляетъ такое письмо XI-мъ вѣкомъ. На самомъ блюдѣ года не находится, почему его и нельзя отнести къ числу датированныхъ; а признаки палеографическіе не совсѣмъ надежны, такъ какъ характеръ буквъ, вырѣзаныхъ на блюдѣ, сохранялся еще и въ слѣдующемъ столѣтіи.

2) Въ г. Самаркандѣ по сторонамъ лицевого фасада мечети Шир-даръ находятся майоликовыя изображенія тигра и лани.

3) La défense des images chez les musulmans. Par Victor Chauvin. (*Annales de l'Académie d'Archéologie de Belgique*. 4-e série, t. IX, 3-e et 4-e livraison).

www.library.chersonesos.org

однако, нельзя согласиться, — что главная причина такого запрещенія заключалась въ суевѣрномъ страхѣ народовъ востока передъ портретами и въ убѣжденіи, что художникъ, сдѣлавшій рисунокъ, пріобрѣталъ духовную власть надъ оригиналомъ[1]). Останавливаться на литературѣ предмета, въ которой видимъ имена выдающихся оріенталистовъ, какъ напр. Карабачека, нѣтъ надобности. Коснусь лишь сущности дѣла.

Въ коранѣ нѣтъ опредѣленныхъ и ясныхъ выраженій на счетъ изобразительнаго художества. Единственное указаніе, безусловно обязательное для всѣхъ мусульманъ, есть 92-й стихъ V-ой суры корана, который гласитъ:

يا أيّها الذين امنو إنّما الخمر والميْسِر والأنْصَابُ والأزْلَامُ رِجْس من عَمَلِ الشيطانِ فَاجْتَنِبُوهُ لَعَلَّكُمْ تُفْلِحُونَ

«О, вы, которые вѣруете! поистинѣ вино, игра въ мейсиръ, истуканы и гадальныя стрѣлы[2]) суть мерзость, изобрѣтеніе сатаны; воздерживайтесь отъ нея, быть можетъ вы достигнете блаженства»!

Объ изображеніи живыхъ существъ здѣсь ничего не говорится, и только по распространительному толкованію это приравнивается къ дѣланію идоловъ. Но за то *хадисы*, т. е. преданія объ изреченіяхъ пророка Мухаммеда, разъясняютъ вопросъ вполнѣ точно. Вотъ главнѣйшія изъ преданій по этому предмету[3]). Однажды Аиша, «матерь правовѣрныхъ», купила для Мухаммеда подушку (نمرقة), на которой были изображенія; по этому поводу онъ сказалъ:

إنّ اصحابَ هذه الصُّوَر يوم القيمة يعذّبون فيقال لهم احيوا ما خَلَقْتُم وقال إنّ البيت الذى فيه هذه الصُّوَر لا تَدخله الملائكة[4]).

«Тѣ, которые нарисовали эти изображенія[5]), будутъ наказаны въ день воскресенія мертвыхъ и будетъ сказано имъ: «Оживите то, что вы создали»! И еще сказалъ: «Подлинно, не войдутъ ангелы въ тотъ домъ, въ которомъ находятся эти изображенія».

Въ главѣ о продажѣ изображеній, не имѣющихъ души, приводится слѣдующій хадисъ со словъ Са'йд-ибн-аби-л-Хасана: «Былъ я у Ибн-Аббâса, какъ вдругъ пришелъ къ нему какой-то человѣкъ и сказалъ: «О, Абу́-Аббâсъ, я человѣкъ и средствомъ пропитанія мнѣ служитъ лишь то, что я работаю руками своими, а дѣлаю я вотъ эти изображенія». Ибн-Аббâсъ отвѣтилъ: «Я разскажу тебѣ лишь то, что слышалъ отъ посланника Аллаха — да благословитъ его Аллахъ и привѣтствуетъ, — а слышалъ я, какъ онъ говорилъ: «Кто сдѣлаетъ изображеніе, того Аллахъ

1) L. c., p. 422—3.

2) Здѣсь разумѣлись три гадальныя стрѣлы, на первой было написано: امرنى ربّى (приказаніе), на второй — نهانى ربّى (запрещеніе), третья безъ надписи (требованіе подождать). Lane, Ar.-eng. lex., sub voce زلم. Beidhawi, изд. Флейшера, I, 246.

3) За сообщеніе ихъ я обязанъ арабисту А. Э. Шмидту, которому принадлежитъ и русскій переводъ текста.

4) *Бухâрій*, изд. Krehl'я, II, 18.

5) Комментаторъ поясняетъ: «художники, изображающіе то, у чего есть душа» (المصوّرين ما له روح).

www.library.chersonesos.org

будетъ наказывать, пока онъ не вдунетъ въ него духа[1]), и не вдунетъ онъ въ него (духа) во вѣкъ»! Тогда этотъ человѣкъ сильно встревожился, и пожелтѣло лицо его, и сказалъ (Ибн-Аббасъ): «О, несчастный! если ты не можешь отказаться отъ производства (того, о чемъ ты говорилъ), то изображай вотъ это дерево и всякую вещь, не имѣющую души».

باب بيع التصاوير التى ليس فيها روح وما يُكْرَه من ذلك

حدّثنا عبد الله بن عبد الوهّاب قال حدّثنا يزيدبن زُرَيْع قال حدّثنا عَوْف عن سعيدبن ابى الحسن قال كنت عند ابن عبّاس اذْ أتاه رجلٌ فقال يا با عبّاس إنّى انسان انما معيشتى من صَنعة يدى وإنّى اصنع هذه التصاوير فقال ابنُ عبّاس لا أُحَدِّثُك الّا ما سمعتُ (من) رسولَ الله صلى الله عليه وسلم يقول سمعتُه يقول مَن صَوّر صورةً فإنّ الله معذّبه حتى يَنْفُخ فيها الروحَ وليس بنافخ فيها ابدا فربا الرجلُ رَبْوَةً شديدةً و اصفرّ وجهُه فقال ويحك إن أَبَيتَ الّا أن تصنع فعليك بهذا الشجر وكلّ شئ ليس فيه روح[2])

Не привожу другіе хадисы, въ которыхъ вопросъ освѣщается не такъ опредѣленно; желающіе найдутъ ихъ у Креля[3]).

Это ограниченіе присущихъ человѣку духовныхъ способностей было настолько противоестественно, что даже сунниты, благоговѣющіе передъ каждымъ изреченіемъ Мухаммеда, не безъ внутренней борьбы признали наложенный на нихъ пророкомъ запретъ безспорнымъ догматомъ. Такъ, первый омейядскій халифъ Муавія чеканилъ диргемы и динары съ собственнымъ изображеніемъ; а на монетахъ сельджуковъ и ортукидовъ встрѣчаемъ такіе сюжеты, которые, казалось бы, никоимъ образомъ не могли быть совмѣстимы съ мусульманствомъ. Въ послѣднее время мусульманское искуство усердно изучается европейскими учеными, и въ трудахъ ихъ можно видѣть, какъ послѣдователи Мухаммеда нарушали его предписаніе относительно изображенія живыхъ существъ.

На сколько персіяне отнеслись отрицательно къ этому запрету, видно изъ того, что они свободно рисовали самого пророка Мухаммеда, совершающимъ на фантастическомъ Боракѣ «ночную поѣздку» въ Іерусалимъ съ предшествующимъ ему архангеломъ Гавріиломъ; а особенно часто изображали они зятя пророка, халифа Алія. Уступка духу ислама со стороны шіитовъ выражалась иногда тѣмъ, что лица на картинахъ не обозначались, а представлялись завѣшенными платкомъ.

Изъ предметовъ природы мусульманскіе художники безпрепятственно могли изображать растенія, чѣмъ и воспользовались для декоративныхъ цѣлей и достигли въ этой области удиви-

---

1) Паршадъ IV, 103. Комментаторъ добавляетъ отъ себя: «И указываетъ (Ибн-Аббасъ) на то, что (подобный человѣкъ) заслуживаетъ такое наказаніе, ибо осмѣливается творить образы животныхъ, что составляетъ прерогативу Аллаха великаго и славнаго; изображеніе же неодушевленныхъ предметовъ подъ это понятіе не подходитъ и въ немъ нѣтъ бѣды».

2) Krehl, II, 40—41, № 104.

3) T. II, 13 (изъ отдѣла كتاب البيوع), гдѣ говорится, что Мухаммедъ проклялъ художника; 43, № 116, гдѣ сообщается о продажѣ падали и идоловъ.

www.library.chersonesos.org

тельнаго совершенства, какъ по части техники, такъ и по красотѣ композиціи. Главнымъ мотивомъ у нихъ явилась виноградная лоза, свернутая кругами или спирально, одинъ въ другомъ, или рядами, одинъ за другимъ. Къ виноградной лозѣ они стали присоединять цвѣточки лиліи и листья лотоса.

Древнее арабское письмо, извѣстное подъ именемъ куфическаго, примѣнявшееся арабами всюду, а также для оживленія орнамента, по начертанію своему было способно усилить художественное впечатлѣніе. Въ болѣе новыхъ почеркахъ, какъ сульсъ и зульфъ, завитки, росчерки, въ особенности выступающія вверхъ буквы давали красивый бордюръ на растительномъ фонѣ; вотъ почему членъ ال ставился иногда вопреки правиламъ грамматики только по требованію симметріи.

Для каждой категоріи предметовъ въ мусульманскомъ искусствѣ установленъ свой кругъ надписей, подходящихъ къ нимъ по смыслу. На мечетяхъ помѣщаются стихи изъ корана и хадисы; дворцы могутъ украшаться стихотвореніями и изреченіями свѣтскаго содержанія; на монетахъ помѣщается основной мусульманскій символъ и аятиль-курси, имена первыхъ четырехъ халифовъ; къ оружію примѣняются изреченія изъ корана, причемъ для шлема одни, для меча другія, для щита третьи и т. д. Вещи домашняго обихода принято снабжать всевозможными благопожеланіями владѣльцу, причемъ однородные предметы, смотря по обстоятельствамъ, могутъ имѣть совершенно различныя надписи. Такъ, подсвѣчникъ для дома будетъ имѣть благія пожеланія обладателю; а подсвѣчникъ для мечети вмѣсто этого будетъ содержать благочестивые стихи. Наборъ всякихъ добрыхъ пожеланій можетъ быть очень великъ, и если кромѣ того нѣтъ другихъ указаній, ни о мастерѣ, ни о владѣльцѣ, ни о мѣстѣ и времени изготовленія предмета, то такія безсодержательныя изреченія, а ими часто все и ограничивается, не имѣютъ для насъ никакого научнаго интереса. Даже въ палеографическомъ отношеніи подобныя надписи не всегда имѣютъ значеніе и не всегда помогаютъ опредѣлить время, если онѣ только скопированы съ древнихъ образцовъ. Иногда надписи совсѣмъ не поддаются чтенію; это въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ подражаетъ арабскимъ письменамъ, самъ не умѣя ихъ читать.

Тѣмъ болѣе приходится цѣнить и изучать тѣ произведенія мусульманскаго востока, которыя содержатъ въ себѣ хронологическія и историческія свѣдѣнія. Къ числу такихъ и принадлежитъ бронзовый сосудъ графа А. А. Бобринскаго.

Металлическая посуда на мусульманскомъ востокѣ чрезвычайно разнообразна. Тѣмъ не менѣе видно, что уже въ древности въ какомъ-то художественномъ центрѣ выработались опредѣленные типы этой посуды, послужившіе затѣмъ образцами для различныхъ странъ и различныхъ народовъ Востока. Напримѣръ, для кувшиновъ нѣкогда принята была форма ручки въ видѣ изогнувшейся змѣи; эта подробность давно уже забыта, теперь изображеніе змѣи на ручкахъ не встрѣчается, но старинная форма изгиба ихъ сохранилась и по настоящее время.

Котелокъ сдѣланъ изъ бронзы золотистаго цвѣта, инкрустированъ серебромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наведенъ для большей пестроты рисунка красною мѣдью, полученною, если не ошибаюсь, травленіемъ. Красная мѣдь чередуется съ серебромъ. Инкрустація сдѣлана холоднымъ способомъ: въ приготовленный рѣзцомъ рисунокъ набиты изъ серебряной проволоки пластинки, которыя легко отпадали, особенно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда гнѣзда для нихъ были значительныхъ размѣровъ, напр. для человѣческаго лица. Пластинки покрыты гравировкой, лица

www.library.orientalstudies.org

изображены шаблонно и однообразно; размѣры фигуръ не соблюдены въ надлежащей пропорціи (табл. I, VII и VIII).

Весь котелокъ вмѣстѣ съ верхнимъ ободкомъ, дномъ съ наружной стороны и ручкою покрытъ сплошною орнаментаціею; только нижній раструбъ, служащій постаментомъ, свободенъ отъ всякихъ украшеній. Внутри котелка также нѣтъ рисунковъ, тогда какъ въ низкихъ чашахъ очень часто изображаются на внутренней сторонѣ дна сцены съ человѣческими фигурами, рыбки, арабески или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надо думать, что въ котелкахъ не примѣнялся внутренній орнаментъ.

Начну описаніе котелка съ ручки, на которой находится самая существенная надпись, а именно обозначено время его изготовленія. Ручка не сохранилась вполнѣ, въ ней не достаетъ кольца, для котораго было сдѣлано отверстіе въ серединѣ ея. Ручка имѣетъ форму полукруглой дужки, концы которой изображаютъ лежащаго льва. У просверленнаго отверстія съ двухъ сторонъ, по четыремъ гранямъ ручки, находятся львиныя морды, обращенныя къ отверстію; всего ихъ восемь.

Надпись на ручкѣ (табл. III).

Верхняя (рис. 2).

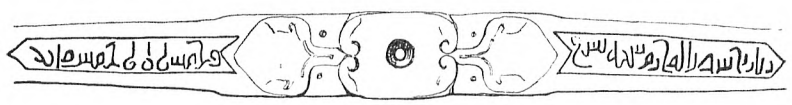


Рис. 2, нат. вел.

بتاريخ شهر المحرم سنه تسع ○ وخمسين وخمس مايه

Въ лѣтосчисленіе мѣсяца мухаррема, года 559 (= декабрь 1163 г.).

Мусульманскій 559-й годъ начался 30 ноября 1163 г. нашей эры, и первый мѣсяцъ. мухарремъ. соотвѣтствовалъ декабрю.

Первая боковая сторона:

والدولة والسعادة ○ والعافية والنظامة[1] وا

И господство, и счастіе, и здоровье, и порядокъ.

Буквы وا поставлены или для симметріи, или для заполненія пустого мѣста.

Вторая боковая сторона:

والراحة والكرامة والتا ○ مّة والسلامة والبقا

И спокойствіе, и милость, и совершенство, и спасеніе, и вѣчность.

Надпись на ободкѣ котелка (табл. IV).

По ободку котелка, имѣющему ширину 0,12 сантм., идетъ арабско-персидская надпись, содержаніе которой является въ высшей степени существеннымъ, какъ относительно мѣста, гдѣ

1) Это необычное слово, въ словаряхъ не встрѣчающееся, изображено совершенно ясно; грамматически его образованіе вполнѣ допустимо.

www.library.chersonesos.org

былъ сдѣланъ данный предметъ, такъ и лицъ, которыя принимали участіе въ изготовленіи его. Быть можетъ, въ будущемъ удастся найти въ литературѣ упоминаемыя здѣсь имена и тѣмъ еще лучше освѣтить происхожденіе котелка. Сочетаніе арабскаго текста съ персидскимъ для даннаго времени любопытно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что персидскій языкъ тогда уже началъ пользоваться равноправіемъ съ арабскимъ въ оффиціальныхъ документахъ. Надпись значительно пострадала: не только часть серебряной инкрустаціи исчезла, но даже желобки для буквъ мѣстами сгладились; тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи профессора В. А. Жуковскаго и А. К. Маркова, удалось полностію возстановить текстъ, кромѣ одного слова, значительно поврежденнаго. Вся надпись дѣлится на четыре равныя части: во-первыхъ, скобки для ручки раздѣляютъ ее пополамъ, во-вторыхъ, каждая половина имѣетъ по серединѣ текста розетку изъ кружковъ.

Чтеніе получается такое (табл. VI, № 2):

1) فرمودن این خدمت را عبد الرحمن بن عبد الله الرشیدی

2) ضرب (?)[1] محمد بن عبد الواحد عمل حاجب مسعود بن احمد النقاش هراة

3) لصاحبه خواجه اجل رکن الدین فخر التجار امین[2] المسلمین زین الحاج

4) والحرمین رشید الدین عزیزی بن ابو الحسین الزیجانی[3] دام عزّه

То-есть:

1) Возложилъ эту службу (дѣло) Абду-р-Рахманъ, сынъ Абдуллаха Рашиди.

2) Чеканъ (?) Мухаммеда, сына Абд-уль Вахида; работа Хаджиба[4] Масъуда, сына Ахмеда, рисовальщика Герата.

3) Для владѣльца его (т. е. котелка), превосходнаго ходжи Рукн-эд-Дина, славы купцовъ, довѣреннаго лица вѣрующихъ, красы пилигримовъ

4) и обѣихъ святынь (т. е. Мекки и Медины), Рашид-эд-Дина Азизи, сына Абуль-Хуссейна Зенджанскаго, да длится слава его!

Ободокъ снаружи украшенъ изображеніями птичекъ, размѣщенныхъ парами: одна птичка обращена къ другой, причемъ клювы ихъ сходятся вмѣстѣ, какъ бы для поцѣлуя. Одна имѣетъ тѣло изъ накладного серебра, а крылья наведены красною мѣдью; другая — наоборотъ: тѣло обозначено мѣдью, крылья же серебромъ. Такихъ паръ 32 (табл. I).

Кузовъ котелка раздѣленъ на пять поясовъ полосами красной мѣди, и каждый поясъ имѣетъ свой самостоятельный и законченный рисунокъ, независимый отъ тѣхъ рисунковъ, которые помѣщены на другихъ поясахъ.

---

1) Это слово является сомнительнымъ. Предположительно можно допустить, что здѣсь стояло существительное, соотвѣтствующее дальнѣйшему عمل (работа); такъ какъ пространство очень ограниченное, не болѣе какъ для трехъ буквъ, и такъ какъ послѣдняя буква можетъ быть принята за ب, то я и полагаю, что въ данномъ мѣстѣ находилось ضرب (чеканъ), и смыслъ былъ бы тотъ, что одинъ мастеръ рисовалъ, другой чеканилъ.

2) Начертаніе допускаетъ чтеніе امیر (повелитель); но такъ какъ титулъ «повелитель мусульманъ» есть принадлежность прежде всего халифовъ, а затѣмъ полузависимыхъ мусульманскихъ владѣльцевъ, и не совмѣстимъ съ купеческимъ званіемъ, то я и полагаю, что здѣсь надо читать: امین

3) Такъ какъ у этого слова нѣтъ діакритическихъ точекъ, то чтеніе этого прозвища можетъ быть и иное.

4) Хаджибъ значитъ: камергеръ; но здѣсь, вѣроятно, другой смыслъ этого слова.

www.library.orientalstudies.org

Первый поясъ. Онъ состоитъ изъ фигурной надписи и четырехъ круглыхъ медальоновъ, раздѣляющихъ надпись на четыре равныя части (табл. II, двѣ нижнія полосы).

Медальоны имѣютъ рамку, состоящую изъ лепестковъ или лучей, сдѣланныхъ изъ серебра и изъ красной мѣди, чередующихся между собою. Первымъ медальономъ я считаю тотъ, отъ котораго начинается надпись.

1) На тронѣ возсѣдаетъ съ поджатыми ногами, лицомъ къ зрителю молодой человѣкъ, повидимому, царственная особа; на головѣ у него тюрбанъ, въ видѣ низкой шапочки, лѣвая рука его протянута надъ высокимъ сосудомъ, правою онъ опирается въ бедро, на которомъ лежитъ мечъ. Тронъ утвержденъ на невысокихъ ножкахъ, между которыми находится серебряная дуга; онъ имѣетъ по обѣимъ сторонамъ столбики, обычно изображающіеся на металлическихъ сосудахъ средневѣкового мусульманскаго періода, и на этихъ столбикахъ сдѣлано украшеніе изъ серебряныхъ драконьихъ головъ, открытыя пасти которыхъ обращены къ сидящему на тронѣ человѣку. Столбики сдѣланы изъ красной мѣди, нижнія части ихъ, кромѣ одного столбика,—изъ серебра [1]).

2) Сидящій на тронѣ человѣкъ имѣетъ шапочку съ лентой [2]); лѣвая рука его приподнята, правая находится на груди.

3) Человѣкъ, сидящій на тронѣ, соотвѣтствуетъ первому; онъ правую руку опустилъ на бедро, лѣвую простеръ надъ сосудомъ.

4) Человѣкъ, находящійся на тронѣ, правую руку опустилъ на бедро, а лѣвую протянулъ къ чашкѣ. У него на головѣ шапочка, какъ у перваго. У всѣхъ лица окружены нимбомъ.

Арабская надпись — съ обычными благими пожеланіями, но въ необычномъ исполненіи. Верхнія части буквъ *алифа* и *ляма* переходятъ въ изображенія людей, которые поставлены въ позы, вызванныя характеромъ и положеніемъ буквъ; эти люди, представленные то съ бородой, то безъ нея, находятся въ движеніи или въ борьбѣ другъ съ другомъ; у нихъ въ рукахъ разные предметы, какъ то: сабли, луки, кубки, арфа (?), цвѣтокъ, вѣнокъ или кругъ. Нѣкоторыя буквы прямо имѣютъ видъ животныхъ, напримѣръ, дракона съ разинутою пастью, буква *ааф* замѣнена рыбой, буква *фа* — головой рогатаго звѣря; у иныхъ помѣщаются человѣческія лица [3]). Нѣкоторыя фигуры сплошь серебряныя, у другихъ туловище покрыто красною мѣдью. Надпись (начало ея въ верхнемъ поясѣ отъ перваго медальона влѣво) читается такъ:

العز والاقبال والدولة والر ○ احة والسعادة والشفاعة والل ○ امة والسلامة والعافية وا ○ لنصرة
والشكرة والبقا لصاحبه ○

Слава, и успѣхъ, и господство, и спокойствіе, и счастіе, и заступничество, и долголѣтіе, и спасеніе, и здоровье, и побѣда, и благодареніе, и вѣчность владѣльцу его.

---

1) Объ этомъ тронѣ см. дальше, стр. 15 — 17.

2) Ленты напоминаютъ головныя повязки у сасанидскихъ царей, называвшіяся «*кости*» и обязательныя каждому послѣдователю ученія Зороастра съ 15-лѣтняго возраста; но вѣрнѣе предположить, что это тюрбанный шарфъ. — См. о немъ К. А. Иностранцева «Торжественный выѣздъ Фатимидскихъ халифовъ» (въ *Запискахъ Вост. отд. И. Р. А. О.* т. XVII, стр. 107).

3) Подобную надпись въ первый разъ обнародовалъ Лонперье въ *Revue Archéologique* 1844—45 г., въ статьѣ «Notice sur une coupe arabe conservée au departement des antiques de la Bibliothèque royale». (Oeuvres de A. De Longpérier, T. I, Paris 1883, pp. 349—357). Она изображена на такъ называемомъ баптистеріи святого Людовика.

www.library.orientalstudies.org

Второй поясъ. Содержаніе рисунковъ составляютъ: состязанія, игры и угощеніе съ музыкой и пѣніемъ.

Начало рисунка опредѣляется серебряной пальметкой, состоящей изъ фигурнаго (декоративнаго) сосуда съ вложенными въ него цвѣтами. Отсюда и будемъ разсматривать содержаніе изображенныхъ сценъ, идя, какъ принято на Востокѣ, справа налѣво. Всего здѣсь 20 отдѣльныхъ сценическихъ группъ, связанныхъ между собою только внѣшнимъ образомъ, а именно общимъ характеромъ взятаго мотива, но свободно раздѣляющихся на отдѣльные самостоятельные сюжеты (табл. V, верхняя группа).

Сцена 1-я. Два человѣка съ клинообразными бородами, въ шапкахъ съ одной повязкой или лентой у каждой, сидя съ поджатыми ногами, играютъ въ нарды[1]); на доскѣ брошены кости; у лѣваго игрока въ правой рукѣ кубокъ, у колѣнъ его три серебряные кружка, можетъ быть деньги или костяшки.

Сцена 2-я. Два такіе же человѣка въ такихъ же шапкахъ, стоя, состязаются на палкахъ[2]).

Сцена 3-я. На сидѣньи, имѣющемъ форму литавры, расположился человѣкъ съ бородой, въ шапочкѣ съ одной лентой; передъ нимъ стоитъ барабанъ или накры[3]), по которымъ онъ ударяетъ двумя палочками; вверху находится какой-то предметъ въ родѣ палицы.

Такъ какъ барабановъ для игры полагается два, то и первый предметъ, на которомъ сидитъ музыкантъ, можетъ быть принятъ за барабанъ, неудачно помѣщенный мастеромъ, какъ сидѣнье; музыкантамъ полагается сидѣть на полу.

Отъ музыканта идетъ влѣво молодой (безбородый) человѣкъ, держащій обѣими руками инструментъ, похожій на гармонику[4]), и, повидимому, играющій на ней.

Сцена 4-я. Бородатый человѣкъ со шлемомъ (конусообразная шапка) на головѣ опирается лѣвой рукой на палку, оканчивающуюся шаромъ (?) (предметъ этотъ имѣетъ видъ заступа), и, кажется, играетъ на дудкѣ, похожей на кларнетъ[5]). Передъ нимъ стоитъ молодой человѣкъ, имѣющій за поясомъ кинжалъ.

Сцена 5-я. Бѣгущій влѣво молодой человѣкъ несетъ въ правой рукѣ кубокъ, отъ шапки развѣваются двѣ ленты; сабля, прикрѣпленная у пояса, откинулась впередъ. Повидимому, онъ прислуживаетъ далѣе сидящему съ поджатыми ногами бородатому человѣку, который со-

---

1) Игра въ нарды تخته نرد очень распространена въ Персіи; она состоитъ въ томъ, что шашки передвигаются по доскѣ на основаніи числа очковъ, оказывающихся на костяхъ, подбрасываемыхъ вверхъ.

2) Состязаніе на деревянныхъ палкахъ въ прежнее время у персіянъ было очень серьезнымъ упражненіемъ. Въ Шахнамэ такія палки называются гурз گرز (گرزه) и на миніатюрахъ отличаются отъ боевыхъ палицъ, называемыхъ по персидски گوپال гаупол.

3) Барабанъ по арабски — табл طبل и накарэ نقاره, что зависитъ отъ формы его; по персидски накрат نقرات. Отсюда и наше русское названіе *накры*. Этотъ музыкальный инструментъ пользуется на Востокѣ большою распространенностью.

4) Инструментъ вродѣ гармоники, т. е. издающій звуки при помощи сжиманія мѣха, является, если допустить, что здѣсь дѣйствительно музыкальный инструментъ, совершенною неожиданностью, такъ какъ ничего подобнаго на мусульманскомъ востокѣ мы еще не встрѣчали. Но, разсуждая теоретически, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Подобный инструментъ нарисованъ вполнѣ отчетливо внутри каменнаго греческаго саркофага, открытаго въ г. Керчи въ 1900 г. и хранящагося теперь въ Имп. Эрмитажѣ.

5) Такой инструментъ у персіянъ называется نی нэй (первоначально значитъ тростникъ) и کرنای кернай.

www.library.chersonesos.org

хранился очень плохо: видна только лента отъ шапки, съ завиткомъ съ правой стороны головы.

Сцена 6-я. Два сидящихъ молодыхъ человѣка, обращенныхъ другъ къ другу: одинъ изображенъ бокомъ, направленъ въ лѣвую сторону съ протянутыми впередъ руками, и повидимому, означаетъ пѣвца. Другой держитъ въ рукахъ бубенъ[1]); у шапки имѣются ленты.

Сцена 7-я. Группа изъ трехъ сидящихъ молодыхъ людей. Первый, обращенный влѣво, играетъ на арфѣ. Второй, обернувшійся къ первому, играетъ на лютнѣ, на которой обозначены 5 струнъ и рука играющаго; у инструмента привязана лента, спускающаяся внизъ[2]). У обоихъ на шапкахъ по одной лентѣ. Третій молодой человѣкъ сидитъ, поджавши ноги, и слушаетъ музыкантовъ; у него на головѣ шапка съ двумя лентами, цвѣтокъ въ лѣвой рукѣ; правую руку онъ держитъ у пояса; передъ нимъ чашка на ножкѣ съ тремя круглыми плодами, кажется, съ яблоками.

Сцена 8-я. Два человѣка съ бородами; правый, припавъ на лѣвое колѣно, держитъ въ приподнятой правой рукѣ сильно согнутый рогъ для питья; лѣвый человѣкъ, въ шапкѣ безъ ленты, сидитъ на скамейкѣ и держитъ въ лѣвой рукѣ кубокъ, а въ правой — остроконечную булаву, или знакъ власти. Передъ нимъ подносъ, уставленный тремя сосудами: 1) кубокъ, 2) высокій сосудъ, который можно принять за стеклянный графинъ, потому что на горлышкѣ изображенъ рубчикъ, какъ бываетъ на стеклянныхъ кувшинахъ, и 3) конусообразный сосудъ съ подобнымъ же рубчикомъ.

Сцена 9-я. Два сидящіе другъ противъ друга человѣка, лѣвый съ бородой, правый безъ бороды; они сцѣпились руками и, кажется, ведутъ борьбу. У лѣваго ленты на шапкѣ нѣтъ, у праваго лента перегнулась кольцомъ.

Сцена 10-я. Два человѣка. Правый, съ бородой и въ шапкѣ съ одной лентой, держитъ въ правой рукѣ кубокъ, а лѣвую протянулъ къ чашѣ на ножкѣ съ мелкими плодами; передъ нимъ молодой человѣкъ, припавши на правое колѣно, подноситъ цвѣтокъ.

Сцена 11-я. Группа изъ трехъ сидящихъ музыкантовъ. Правый, въ шапочкѣ съ лентой, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ рукахъ бубенъ. Другой, сидящій бокомъ, играетъ на арфѣ; шапка у него съ двумя лентами. Лѣвый, въ шапкѣ съ лентой, обернулся къ нимъ и играетъ на лютнѣ, у которой лента поднялась вверхъ; передъ нимъ чаша на подставкѣ съ тремя яблоками. Серебряная инкрустація, какъ здѣсь, такъ и дальше, въ значительной степени выкрошилась, а гнѣзда для нея сгладились.

Сцена 12-я. Группа изъ трехъ молодыхъ людей. Центральный сидитъ прямо и держитъ

---

1) Круглый бубенъ по персидски: деф دف. Въ нашихъ старинныхъ документахъ, касающихся Персіи, встрѣчается выраженіе «бить въ дефы».

2) Этотъ инструментъ называется по арабски: эль-уд العود (отсюда итальянское Liuto, а потомъ наша лютня), по персидски: донбра دنبره (наши домрачеи — музыканты на домрѣ) и тамбур تنبور. Восточная лютня имѣетъ ту особенность, что дощечка съ колками загибается внизъ. Число струнъ въ разное время было различно: отъ 4 до 14. Здѣсь намѣчено 5 струнъ, поэтому опредѣленіе инструмента будетъ: панчтар پنچتار — пятиструнный. А. С. Фаминцынъ, «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа», С.-Пб. 1891. Проф. Эм. Наумаиъ, «Иллюстрированная всеобщая исторія музыки», перев. съ нѣм. Н. Финдейзенъ. С.-Пб. 1896. Статья Sarre и Фанъ-Вершема въ Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1907.

www.library.chersonesos.org

въ лѣвой рукѣ кубокъ, а правую опустилъ на бедро. Правый человѣкъ обращенъ къ центральному и поднялъ правую руку надъ высокимъ сосудомъ, лѣвая протянута къ поясу. Лѣвый человѣкъ сидитъ бокомъ (а можетъ быть припалъ на правое колѣно) и подаетъ чашу съ тремя яблоками, держа ее за ножку. У него шапочка съ лентой.

Сцена 13-я. Два сидящіе одинъ противъ другого человѣка, повидимому, бесѣдуютъ, жестикулируя руками. Между ними сосудъ на ножкѣ съ тремя яблоками. На шапкахъ ленты.

Сцена 14-я. Два молодые человѣка. Правый играетъ на арфѣ, лѣвый держитъ цвѣтокъ. Между ними фигурный сосудъ въ видѣ двухъ раструбовъ съ шаромъ посрединѣ. Отсюда сохранность котелка до нѣкоторой степени возстановляется.

Сцена 15-я. Группа изъ двухъ человѣкъ. Правый сидитъ бокомъ передъ сосудомъ съ плодами и, кажется, держитъ цвѣтокъ въ рукѣ. Лѣвый несетъ на плечахъ столъ, судя по утолщенію въ серединѣ, круглый, поддерживая его за ножки; на столѣ помѣщены два сосуда и два кубка. Можетъ быть, это столъ съ обрядовыми яствами [1]).

Сцена 16-я. Два человѣка. Колѣнопреклоненный бородатый человѣкъ поднялъ правой рукой сильно изогнутый рогъ для питья. Второй, молодой, припавъ на лѣвое колѣно, держитъ въ высоко поднятой правой рукѣ ножъ или кинжалъ; лѣвая рука опущена къ пяткѣ ноги; этотъ человѣкъ направленъ въ лѣвую сторону, но лицо онъ повернулъ къ зрителю. Между этими двумя дѣйствующими лицами находится, повидимому, сосудъ.

Сцена 17-я. Два сражающіеся человѣка. Правый съ бородой, въ шапочкѣ съ лентой, нападаетъ или обороняется мечомъ, находящимся въ правой рукѣ; лѣвая приподнята. Другой (лѣвый) молодой, въ шапочкѣ безъ ленты, стрѣляетъ изъ лука, оттянувъ тетиву къ уху, по персидскому обычаю.

Сцена 18-я. Два человѣка съ бородами. Лѣвый сидитъ, поджавши ноги; на немъ шапочка съ двумя лентами. Второй, идя къ нему, подноситъ правою рукою кубокъ, а въ лѣвой держитъ ленты или повязку; на головѣ у него шапочка, отъ которой спускается лента, свернувшаяся кольцомъ.

Сцена 19-я. Группа изъ двухъ молодыхъ сидящихъ людей, въ шапочкахъ при одной лентѣ на каждой; правый, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ правой рукѣ цвѣтокъ, а въ лѣвой — предметъ въ видѣ большого древеснаго листа; другой сидитъ нѣсколько бокомъ и держитъ въ правой рукѣ кубокъ. Между ними стоятъ два высокіе фигурные сосуда.

Сцена 20-я. Группа изъ трехъ лицъ. Лѣвый, молодой человѣкъ, въ шапкѣ съ лентой, сидитъ лицомъ къ зрителю, опершись руками на бедра; передъ нимъ подносъ съ тремя сосудами: 1) стаканъ или чарка, 2) сосудъ конусообразной формы съ рубчикомъ на горлышкѣ и 3) высокій сосудъ; выше подноса, очевидно за недостаткомъ мѣста, изображена чашка на ножкѣ съ тремя яблоками. Передъ этимъ человѣкомъ помѣщены два музыканта; ближайшій къ нему сидитъ бокомъ съ поджатыми ногами, на немъ шапочка съ перегнувшейся кольцомъ лентой; онъ играетъ на арфѣ. Второй въ шапочкѣ безъ ленты играетъ на кларнетѣ.

Третій поясъ (табл. VI, верхняя группа) украшенъ поздне-куфическою надписью, содержаніе которой составляютъ благія пожеланія въ очень большомъ количествѣ. Надпись имѣетъ ту особен-

---

1) См. К. А. Иностранцева «Сасанидскій праздникъ весны» («Сасанидскіе этюды», С.-Пб. 1909, стр. 95—98).

www.library.chersonesos.org

ность, что среднія части выступающихъ буквъ образуютъ плетенку, придающую начертаніямъ видъ красиваго узора. Этотъ способъ составлять арабески изъ буквъ былъ на Востокѣ очень распространенъ и иногда отличался еще бо̀льшею сложностью, чѣмъ на нашемъ сосудѣ[1]). Здѣсь, быть можетъ по недостатку мѣста, плетенка сравнительно простая; но возможно допустить, что въ то время, когда изготовлялся нашъ котелокъ, этотъ пріемъ только развивался и еще не достигъ такого совершенства, какое обнаружилось впослѣдствіи.

Во многихъ мѣстахъ серебряная инкрустація выпала, возстановлять слова приходилось по желобкамъ, вырѣзаннымъ въ бронзѣ, тѣмъ не менѣе нѣсколько словъ были для меня сомнительными и для прочтенія ихъ я обращался къ профессору Н. А. Мѣдникову, который и оказалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ существенную помощь.

Текстъ.

باليمن والبركة والدولة والسلامة والسعادة والشفاعة والتامّة والكرامة والشكرة والناصر والنصرة والسعادة والتأييد والراحة والقوة والعافية والنظامة والقوة والعزة والقيامة والعقبية والنعمة والدوامة والحمدية والقادر والقسمة والرحمة والبقا لصاحبه

Переводъ.

На счастье и благословеніе, и господство, и спасеніе, и счастіе, и заступничество[2]), и совершенство, и почетъ, и благодарность, и защита, и помощникъ (вм. помощь), и счастіе, и вспомоществованіе, и спокойствіе, и сила, и здоровье, и порядокъ, и сила, и слава, и воскресеніе, и загробная жизнь, и благоденствіе, и продолжительность, и восхваленіе, и могущественный (вѣроятно вм. могущество), и распредѣленіе[3]), и милосердіе, и долголѣтіе владѣльцу сего (сосуда).

Вслѣдствіе отсутствія діакритическихъ точекъ и несовершенства въ начертаніяхъ буквъ, нѣкоторыя слова могутъ быть прочитаны оріенталистами и иначе, варіанты напрашивались также и у меня; но сущность отъ того нисколько не измѣнится: все-таки это будетъ наборъ словъ[4]) для удовлетворенія установившейся традиціи — съ одной стороны, и для декоративной потребности — съ другой. Надпись воспроизведена цинкографическимъ способомъ съ кальки, исполненной Н. Е. Макаренко.

Четвертый поясъ (табл. V, нижняя группа). Охота и забавы.

Сцена 1-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ бѣгущаго на встрѣчу ему звѣря съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ; на звѣря набрасывается собака съ высоко поднятымъ хвостомъ.

Сцена 2-я. Всадникъ держитъ въ правой рукѣ палку съ загнутымъ концомъ для игры въ

---

1) Напримѣръ, на мюнхенскомъ блюдѣ, описанномъ Carpe, плетенка, сдѣланная изъ буквъ, еще сложнѣе, чѣмъ на нашемъ котелкѣ. См. Metallschüssel im National Museum zu München (въ Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1907).

2) Т. е. заступничество Мухаммеда передъ Богомъ.

3) Т. е. правильное воздаяніе той долѣ, которая ему слѣдуетъ.

4) Перечень встрѣчающихся на металлическихъ сосудахъ благопожеланій въ алфавитномъ порядкѣ приведенъ въ «Epigraphischer Anhang» von Eugen Mittwoch (Sammlung F. Sarre, «Erzeugnisse islamischer Kunst». Berlin 1906, s. 76—77).

www.library.orientalstudies.org

поло[1]); шаръ, какъ необходимая принадлежность этой игры, изображенъ передъ лошадью подъ палкою.

Сцена 3-я. Два всадника сражаются съ крылатымъ четвероногимъ чудовищемъ, одинъ спереди, другой сзади; чудовище имѣетъ двѣ головы, причемъ вторая голова является развѣтвленіемъ хвоста[2]). Правый всадникъ вонзилъ въ раскрытую пасть второй головы длинное копье съ двумя лентами, поднятыми вверхъ; лошадь этого всадника отъ страха отвернула голову въ сторону и склонила ее книзу. Второй всадникъ, скачущій впередъ, обернувшись къ чудовищу, стрѣляетъ ему въ разверзстую пасть изъ высоко поднятаго лука.

Сцена 4-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ рогатое, похожее на быка, животное, отвернувшее голову назадъ; въ шею быка вонзились двѣ стрѣлы. Лошадь отъ страха наклонила голову; на крупѣ лошади сидитъ дрессированный для охоты леопардъ или барсъ[3]) съ длиннымъ хвостомъ.

Сцена 5-я. Всадникъ ѣдетъ на охоту, держа лѣвою рукою ловчую птицу.

Сцена 6-я. Всадникъ поднялъ горизонтально черезъ плечо длинное копье съ лентами, опущенными внизъ; сзади всадника летитъ стрѣла, повидимому, направленная въ него.

Сцена 7-я. Пѣшій человѣкъ бѣжитъ, поднявъ правую руку, которою онъ держитъ саблю, закинутую за голову; у пояса прикрѣпленъ топорикъ. Въ этого человѣка стрѣляетъ изъ лука повернувшійся къ нему всадникъ.

Сцена 8-я. Левъ или тигръ нападаетъ на крупъ скачущей со всадникомъ лошади[4]): у всадника выдалась впередъ сабля.

---

1) Игра въ поло является однимъ изъ любимыхъ развлеченій на мусульманскомъ востокѣ, въ особенности въ Персіи. Для этой игры служатъ: шаръ (по персидски: гуй گوی) и палка съ загнутымъ концомъ (по персидски: чауган چوگان, отсюда и самая игра называется у персіянъ чауган-гуй چوگان گوی). О ней см. Gayet, L'art persan. Paris, 1895, p. 285. К. А. Иностранцевъ, «Къ исторіи игры въ поло» (*Записки Вост. отд. И. Р. А. О.*, т. XIV, стр. 0111—0113; т. XVII, стр. 277—279).

2) Чудовища съ двумя головами или двойные драконы и двойные львы встрѣчаются на Востокѣ довольно часто и притомъ съ очень отдаленнаго времени. Eduard Meyer въ статьѣ «Sumerier und Semiten in Babylonien» (Berlin, 1906) собралъ типы семитическихъ драконовъ, въ томъ числѣ и двойныхъ (Schwanz-Drachen); а г. Фан-Бершемъ объяснилъ, что цѣль такого изображенія есть усиленіе злого качества или могущества животнаго. См. Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1907. Это подобно тому, какъ древніе греки изображали льва съ хвостомъ скорпіона.

3) На Востокѣ въ средневѣковой періодъ очень была распространена охота при помощи пріученныхъ къ тому хищныхъ животныхъ, пантеръ, леопардовъ, барсовъ (у насъ въ документахъ встрѣчаются: пардусники), даже молодыхъ тигровъ и львовъ. При этомъ животное помѣщалось сзади охотника на крупѣ лошади. Такой мотивъ довольно часто изображался на сосудахъ и металлическихъ зеркалахъ и давно уже разъясненъ (см. Monumens arabes, persans et turcs, cabinet de M. le duc de Blacas. Par M. Reinaud, Paris, 1828, t. II, p. 426—427). Въ отчетливомъ рисункѣ такая сцена представлена у Лонперье (Oeuvres de A. De Longpérier. T. I, Pl. VI) и тамъ можно видѣть, какъ охотникъ спускаетъ звѣря за добычей. Здѣсь и изображенъ такой способъ охоты: животное въ спокойной позѣ, вѣроятно съ прикрытыми глазами, помѣщается на лошади охотника въ ожиданіи, когда оно будетъ направлено въ погоню за убѣгающей четвероногою дичью.

4) Поза хищнаго звѣря не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь животное, вцѣпившееся зубами въ лошадь, принадлежитъ къ дикимъ, и что художникъ имѣлъ въ виду представить случай нападенія хищнаго звѣря на охотника. Если бы дѣло касалось дрессированнаго животнаго, пріученнаго къ охотѣ, то его слѣдовало бы изобразить иначе, къ тому же размѣры звѣря такъ велики, что ему едва ли возможно усѣсться на крупѣ лошади даже и при всей условности масштаба въ рисункахъ на котелкѣ.

www.library.orientalstudies.org

Сцена 9-я. Всадникъ имѣетъ на лѣвой рукѣ ловчую птицу, а правую поднялъ вверхъ.

Сцена 10-я. Сцену эту, вслѣдствіе значительной порчи рисунка, разгадать трудно; видно только, что вверху изображенъ левъ, а внизу собака.

Сцена 11-я. Сцена подобная той, которая отмѣчена подъ 3-мъ номеромъ. Два всадника сражаются съ крылатымъ четвероногимъ чудовищемъ. Чудовище отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что хвостъ его не имѣетъ головы и опущенъ внизъ. Правый всадникъ ударяетъ копьемъ чудовище въ спину у крыльевъ; лошадь отвернула голову; лѣвый, ѣдущій впередъ, обернувшись, стрѣляетъ изъ лука въ широко разинутую пасть чудовища.

Сцена 12-я. Птица со сложенными крыльями.

Сцена 13-я. Два всадника и поднявшійся драконъ съ змѣинымъ туловищемъ; правый всадникъ держитъ въ лѣвой рукѣ мечъ (?), а въ правой какое-то изогнутое орудіе, которымъ поражаетъ голову дракона, обратившаго открытую пасть со стрѣльчатымъ языкомъ къ слѣдующему впереди всаднику. Этотъ послѣдній ѣдетъ въ спокойной позѣ въ лѣвую сторону, держа обѣими руками копье, на которомъ прикрѣплены двѣ ленты, опущенныя внизъ. Такъ какъ этотъ всадникъ не обнаруживаетъ никакого дѣйствія по отношенію къ дракону, то, можетъ быть, онъ составляетъ самостоятельную сцену.

Сцена 14-я. Всадникъ держитъ въ правой рукѣ палку для игры въ поло, а подъ нею изображенъ шаръ.

Сцена 15-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ тигра или льва, вцѣпившагося зубами въ крупъ лошади ѣдущаго впереди всадника[1]); въ спину льва вонзились двѣ стрѣлы; хвостъ льва оканчивается звѣриной головкой съ двумя торчащими вверхъ ушами.

Сцена 16-я. Всадникъ изъ предыдущей сцены, лошадь котораго подверглась нападенію хищнаго звѣря, держитъ въ правой рукѣ мечъ или саблю, повидимому, сражается съ другимъ всадникомъ, обернувшись къ нему лицомъ. Второй всадникъ направилъ копье, держа его обѣими руками, на своего противника; на копьѣ повязаны двѣ ленты.

Сцена 17-я. Всадникъ съ птицей на лѣвой рукѣ, въ правой держитъ какое-то оружіе въ родѣ кинжала.

Сцена 18-я. Крылатое четвероногое чудовище подняло драконью голову съ открытою пастью; всадникъ, обернувшись, стрѣляетъ въ нее изъ лука. Хвостъ чудовища опущенъ внизъ и конецъ его загнутъ крючкомъ.

Сцена 19-я. Всадникъ, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ лѣвой рукѣ протянутое поверхъ плеча копье съ лентами, причемъ остріе обращено назадъ; въ правой рукѣ онъ имѣетъ изогнутую палку для игры въ поло, подъ нею шаръ.

Сцена 20-я. Всадникъ, склонившійся внизъ, быть можетъ, падающій съ лошади, держитъ въ рукѣ поднятую вверхъ саблю.

Внизу по всему кругу изображены цвѣты, чтобы показать, что дѣйствіе происходитъ въ полѣ; такіе же цвѣты иногда помѣщены и вверху рисунка для заполненія пустого пространства.

---

1) Этотъ хищный звѣрь еще наглядне, чѣмъ тотъ, который находится въ сценѣ 8-й, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь изображено дикое животное, такъ какъ въ него попали двѣ стрѣлы, пущенные охотникомъ.

www.library.chersonesos.org

Въ этомъ поясѣ, какъ и въ предыдущемъ, представлены отдѣльныя сцены, связанныя только композиціей рисунка. Гдѣ начало этихъ сценъ и гдѣ конецъ, сказать трудно, такъ какъ между ними нѣтъ никакого раздѣленія, подобнаго пальметкѣ, помѣщенной во второмъ поясѣ.

Звѣри украшены серебромъ и красною мѣдью, у лошадей это сдѣлано въ разбивку, т. е., если у одной лошади голова изъ серебра, а шея изъ мѣди, то у слѣдующей будетъ наоборотъ, хотя этотъ пріемъ не всегда выдержанъ. На лошадяхъ изображена попона съ узорами, но сѣделъ нигдѣ не видно.

Пятый поясъ. Онъ содержитъ арабскую надпись нѣсколько иного почерка, чѣмъ двѣ предшествующія, причемъ буквы алиф и лям въ верхнихъ частяхъ имѣютъ начертанія человѣческаго лица (таб. II, двѣ верхнія полосы). Четыре медальона дѣлятъ надпись на четыре части. Первый медальонъ (въ серединѣ нижней полосы) заключаетъ въ себѣ сидящаго человѣка въ шапочкѣ съ лентой; лицо его немного повернуто вправо; правою рукою онъ опирается на бедро, лѣвая протянута къ высокому сосуду; надъ рукой изображенъ серебромъ какой-то предметъ въ горизонтальномъ положеніи. Въ слѣдующемъ медальонѣ на лѣво представленъ сидящій человѣкъ, слегка повернувшійся влѣво; на немъ шапочка съ лентой; въ правой рукѣ онъ держитъ кубокъ, лѣвую опустилъ на бедро. Подъ правой рукой изображенъ цвѣтокъ, такой-же находится ниже ленты. Третій медальонъ подобенъ первому, только отсутствуетъ загадочный серебряный предметъ. Четвертый медальонъ сходенъ со вторымъ. Нимбы едва замѣтны.

Надпись (начало ея въ нижней полосѣ, отъ центральнаго медальона влѣво) читается такъ:

العزّ والاقبال والدولة والسلامة والسعادة والر ○ احة والشفاعة والعافية والشكرة والنصرة والعُلُو ○ والعَلآء والتامّة والكرامة والتأييد والناصر ○ والرحمة والنظامة والدوامة والبقآء لصاحبه ○

То-есть:

Слава и успѣхъ, и господство, и спасеніе, и счастье, и спокойствіе, и заступничество, и здоровье, и благодареніе, и побѣда, и возвеличеніе, и высокій санъ, и совершенство, и почетъ, и помощь, и защитникъ (вѣроятно, вм. защита), и милость, и порядокъ, и долголѣтіе, и вѣчность владѣльцу его.

По всей надписи расположены разныя животныя. Отъ перваго медальона съ лѣвой стороны изображена собака, обращенная мордой вправо; слѣдующая собака направлена влѣво, передъ нею бѣжитъ звѣрь съ высокими ушами или рогами и короткимъ хвостомъ, можетъ быть антилопа; далѣе—двѣ собаки одна за другой и обернувшійся въ ихъ сторону звѣрь, похожій на зайца; къ нему же обращена собака съ лѣвой стороны, головою вправо; собака, направляющаяся въ лѣвую сторону и бѣгущій отъ нея заяцъ; двѣ собаки обращенныя другъ къ другу; собака нападаетъ на зайца, который присѣлъ, и противъ него какой-то звѣрь; звѣрь съ короткимъ хвостомъ бѣжитъ въ правую сторону, за нимъ гонится собака; два звѣря, можетъ быть собаки, обращены другъ къ другу; собака, обращенная влѣво, убѣгающій влѣво заяцъ, собака съ тонкой мордой, обращенная вправо, повернула голову назадъ; собака, бѣгущая влѣво; собака бѣжитъ влѣво, противъ нея звѣрь съ рогами и короткимъ хвостомъ; двѣ собаки одна противъ другой; собака, бѣгущая влѣво и противъ нея звѣрь съ длинными ушами; собака, бѣгущая влѣво и какой-то звѣрь, повидимому съ рогами, также обращенный влѣво.

www.library.chersonesos.org

Нижняя часть котелка украшена вѣнкомъ изъ вѣтокъ съ цвѣточными бутонами, сдѣланными попеременно серебромъ и мѣдью. За этимъ вѣнкомъ слѣдуютъ удлиненные картуши, числомъ восемь, въ которыхъ изображены парами животныя, обращенныя другъ къ другу головами; а именно (съ права на лѣво): два зайца, двѣ антилопы (?), двѣ собаки, собака и антилопа, двѣ антилопы, двѣ собаки, двѣ антилопы, два звѣря съ пушистыми хвостами. Между картушами помѣщены въ кружкахъ птички (табл. IX).

Дно котелка. Оно орнаментировано вѣнкомъ, подобнымъ тому, какой находится снаружи котелка (табл. IV). Въ центрѣ помѣщена круглая шишечка, высотою 0,45 сантим., покрытая украшеніемъ въ видѣ звѣздочки, лучи которой сдѣланы попеременно серебромъ и мѣдью. Назначеніе шишечки мнѣ неизвѣстно. Впослѣдствіи ее перестали дѣлать; но память о ней сохранилась въ рисункѣ, традиціонно помѣщавшемся посредствомъ гравировки на днѣ сосудовъ позднѣйшаго времени. Для сравненія здѣсь приводится снимокъ съ мѣдной чашки изъ собранія В. В. Вельяминова-Зернова, пріобрѣтеннаго Имп. Эрмитажемъ, № 7520.12 (табл. VI, № 3).

Тронъ, изображенный на котелкѣ (рис. 1), заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Онъ не принадлежитъ къ самостоятельному явленію въ мусульманскомъ искусствѣ, а заимствованъ изъ области совершенно чуждой мусульманству, изъ религіи буддистовъ. Казалось бы, что мусульманскимъ художникамъ слѣдовало вдохновиться для подобныхъ мотивовъ тронами персидскихъ царей, если не Ахеменидовъ, то по крайней мѣрѣ Сасанидовъ, на что у нихъ была полная возможность, такъ какъ и тѣ, и другіе троны изображались на многочисленныхъ памятникахъ, напримѣръ, на барельефахъ, на предметахъ домашняго обихода, и т. п. Сасанидскій тронъ имѣетъ видъ ложа, съ подушками, лежащими одна на другой у лѣваго бока царя[1]). Царь сидитъ на тронѣ, спустивъ или обѣ ноги, или только одну, подложивъ подъ себя другую. Но не этотъ типъ былъ усвоенъ мусульманскимъ художествомъ для металлическихъ сосудовъ, а другой, выработанный буддійскою иконографіею. Такое предпочтеніе, оказанное послѣднему, тѣмъ болѣе странно, что съ нимъ несомнѣнно и явно было связано религіозное представленіе, тогда какъ съ первымъ ничего подобнаго не соединялось. Что сѣверный буддизмъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ Средней Азіи въ эпоху Сасанидовъ, это теперь выясняется все болѣе и болѣе; оттуда онъ могъ вліять и на Персію. Съ нашествіемъ арабовъ и съ распространеніемъ ислама, культурное вліяніе буддизма исчезло тамъ, какъ видно, не сразу; а религіозная живопись даже перешла къ мусульманамъ.

Если мы сравнимъ тронъ на котелкѣ съ тронами Будды въ иконахъ близкихъ къ тому же времени, то увидимъ поразительное сходство между ними: тѣ же низенькія ножки и высокіе столбики, оканчивающіеся на верху особаго рода украшеніями. Подтвержденіемъ тому, что на мусульманскомъ тронѣ, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, изображены дѣйствительно столбики, можетъ служить лѣпная икона съ Буддою изъ получившихъ большую извѣстность раскопокъ полк. П. К. Козлова въ Хара-хото (табл. X, № 3). Оригиналъ, сдѣланный изъ глины, необыкновенно эфектенъ по красивому сочетанію позолоты и красокъ: розовой, голубой, зеленой и бѣлой. Будда сидитъ на лотосѣ, помѣщенномъ на тронѣ, имѣющемъ рѣзные столбики; какое было на нихъ украшеніе, сказать, за отсутствіемъ верхней части, трудно, но

---

1) Я. И. Смирновъ, «Восточное серебро». С.-Пб. 1909.

www.library.chersonesos.org

по всей вѣроятности тамъ были птицы. На мусульманскихъ тронахъ столбики увѣнчиваются шариками, пасадами въ видѣ четырехграннаго наконечника копья[1]), но чаще примѣняются для этой цѣли изображенія животныхъ. Подъ тропомъ котелка находится небольшое серебряное полукружіе, обращенное ободкомъ внизъ; значеніе его вполнѣ выясняется буддійскими тронами: это — свѣсившійся съ сидѣнья коверъ. Для сравненія прилагается снимокъ съ буддійской иконы на ткани изъ находокъ П. К. Козлова въ Хара-хото (табл. X, № 1). Рисунокъ чрезвычайно типи-

Рис. 3, 1/2 нат. вел.

ченъ по обилію декоративныхъ подробностей: на верху трона двѣ миѳическія птицы хамса, играющія видную роль въ буддійскихъ легендахъ, принадлежащія къ породѣ утиныхъ и отличающіяся пріятнымъ пѣніемъ; по сторонамъ трона поднявшіяся на заднія ноги антилопы; ниже ихъ изображены головы бѣлыхъ слоновъ; съ сидѣнья спускается полукруглый коверъ, обшитый бахромой. Тронъ поддерживается четырьмя животными, изъ нихъ несомнѣнно два льва и, можетъ быть, два тигра. «Львиный тронъ» перешелъ и въ мусульманское искусство. Въ собраніи

1) Напримѣръ, на баптистеріи св. Людовика. См. Oeuvres de A. De Longpérier. T. I, p. 463.

www.library.chersonesos.org

Ф. Р. Мартина[1]) находится мѣдная лохань, орнаментированная снаружи сценами сраженія и медальонами, въ которыхъ изображенъ государь на тронѣ, поддерживаемомъ двумя львами, между ними свѣсившійся коверъ (табл. X, № 2).

Буддійское вліяніе проявляется въ персидскомъ искусствѣ и послѣ паденія Сасанидовъ. На нѣкоторыхъ серебряныхъ блюдахъ, относимыхъ Я. И. Смирновымъ къ мусульманскому уже времени, но имѣющихъ изображеніе сасанидскихъ царей, мы видимъ буддійскую особенность: тронъ царя поддерживается грифонами, крылатыми конями и львами[2]). Но выдающійся интересъ представляетъ въ данномъ отношеніи серебряное блюдо, принадлежащее графу Г. С. Стро-

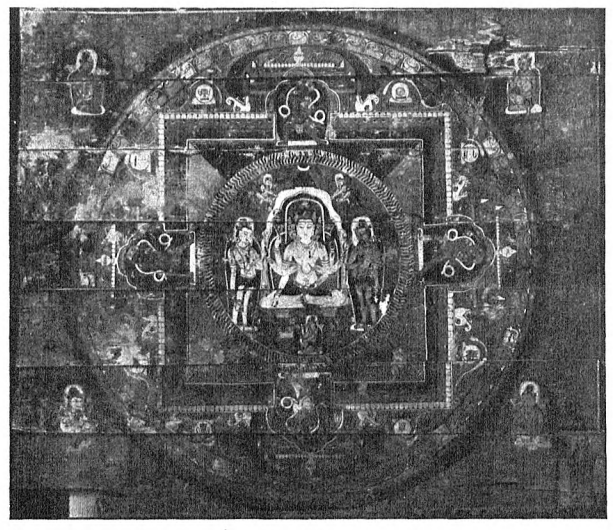


Рис. 4.

ганову и помѣщенное въ Альбомѣ «Восточное серебро» подъ № 64-мъ[3]). На тронѣ, изображенномъ въ условномъ видѣ—не горизонтально, а наклонно,—сидитъ сасанидскій царь, сложивъ ноги такимъ неестественнымъ и невозможнымъ способомъ, какимъ обыкновенно складываются онѣ у Будды, т. е. подошва ступни обращена вверхъ, и притомъ правая нога лежитъ сверху лѣвой. Это явленіе чисто буддійское. Сходство идетъ дальше: тронъ поддерживается двумя львами и между ними примыкаетъ къ трону фигурный предметъ, значеніе котораго теперь не подлежитъ сомнѣнію, это — коверъ, спускающійся съ трона, изображенный художникомъ, намѣренно или по непониманію, не полукружіемъ, а въ видѣ цвѣтка, быть можетъ лотоса (рис. 3).

1) Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient gesammelt von F. R. Martin. Stockholm, 1902. Taf. 20 A.
2) «Восточное серебро», табл. XVI, № 39; XXIV, № 51.
3) Тамъ же, табл. XXXV, № 64. Замѣчаніе о немъ Я. И. Смирнова находится на 6-й страницѣ Введенія.

www.library.orientalstudies.org

Возможно, что и вѣнокъ изъ лепестковъ или листьевъ, и драконьи головы котелка удастся современемъ объяснить изъ того же источника — изъ буддійской иконографіи. Право на такое предположеніе даетъ одинъ предметъ изъ Хара-хото, это — большая деревянная доска, на которой нарисованъ мандалъ съ сидящимъ на тронѣ Буддой; вокругъ трона, съ четырехъ сторонъ, изображены головы чудовищъ, похожія на драконьи, а по борту мандала находится вѣнокъ изъ листьевъ лотоса (рис. 4). Эта подробность требуетъ еще дальнѣйшихъ изысканій.

При описаніи перваго пояса на котелкѣ графа Бобринскаго я отмѣтилъ, что у сидящихъ на тронѣ фигуръ лица окружены нимбомъ, наведеннымъ красною мѣдью, чтобы отдѣлить эту подробность отъ лица, которое изображено серебряною пластинкою. Нимбъ исполненъ не совсѣмъ

Рис. 5, нат. вел.

отчетливо и до нѣкоторой степени неопредѣленно, почему понять его можно было только по сравненію съ подобными же рисунками на другихъ металлическихъ сосудахъ. Для наглядности здѣсь дается снимокъ съ мѣдной, инкрустированной серебромъ круглой коробочки, съ тремя медальонами, изъ собранія Музея барона Штиглица, по реестру № 6155 (рис. 5). Въ одномъ изъ медальоновъ, сравнительно хорошо сохранившемся, представлена играющая на кларнетѣ женщина въ нимбѣ и съ развѣвающейся головной лентой, перегнувшейся кольцомъ. Мотивъ оказывается общимъ для котелка и для коробочки, и надо замѣтить, что онъ встрѣчается довольно часто. Конечно, мусульманское искусство усвоило нимбъ не въ значеніи аттрибута святости, а просто, какъ красивую декорацію. И странно, что эта декорація примѣнялась одновременно и къ царственнымъ особамъ, и къ ихъ служителямъ.

www.library.chersonesos.org

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по поводу сообщенія объ этомъ котелкѣ К. А. Иностранцева въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія И. Русскаго Археолог. общества 22 ноября 1907 г.[1]). Оговариваясь, что самый сосудъ видѣлъ онъ случайно и мелькомъ, г. Иностранцевъ тѣмъ не менѣе очень рѣшительно высказалъ свою точку зрѣнія на происхожденіе этого сосуда, а вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ рядъ соображеній по поводу рисунковъ, на немъ помѣщенныхъ, и опредѣлилъ мѣсто его среди другихъ подобныхъ памятниковъ. Въ изображеніи дракона съ разинутою пастью г. Иностранцевъ усмотрѣлъ *личный* гербъ ортукидскаго владѣльца Хиснъ-Кейфы, Фахр-ад-Дина Кара-Арслана, правившаго въ Діярбекрѣ съ 1148 по 1174 г. На этомъ основаніи г. Иностранцевъ утверждалъ, съ одной стороны, что котелокъ появился въ Діярбекрѣ, чѣмъ будто-бы колеблется теорія Сарре о происхожденіи этого рода производства XIII-го вѣка въ сѣверной Месопотаміи изъ Арменіи и сѣверо-западной Персіи; съ другой — въ сидящемъ на тронѣ человѣкѣ онъ призналъ портретное съ геральдическими элементами изображеніе Кара-Арслана, чѣмъ подтверждалось бы существованіе портретныхъ изображеній въ ранне-мусульманскомъ искусствѣ, что одними доказывалось (Ютцель, Сарре), другими (Хартманнъ) отрицалось.

Стройно изложенная теорія г. Иностранцева не находитъ, однако, подтвержденія въ самомъ сосудѣ, не смотря на совпаденіе даты его со временемъ царствованія Кара-Арслана. Исходнымъ пунктомъ заключеній почтеннаго оріенталиста служитъ гербъ этого ортукида—драконъ. Хотя драконъ довольно часто изображается на монетахъ данной династіи, но всего менѣе на монетахъ Кара-Арслана, а преимущественно позже[2]), что какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ личнымъ, а не семейнымъ гербомъ этого владѣльца.

Г. Иностранцевъ пишетъ: «По сторонамъ его (т. е. сидящаго на тронѣ человѣка) двѣ, обращенныя къ нему, драконьи головы съ разинутыми пастями, на длинныхъ шеяхъ въ видѣ столбовъ надъ тропомъ». Но это не шеи, а настоящіе столбы, которые мы видѣли на буддійскомъ тронѣ (табл. X, № 3) и которые встрѣчаются часто на мѣдныхъ сосудахъ средневѣковаго мусульманскаго періода. Если здѣсь надо видѣть гербъ, то и другіе насады, напримѣръ, шаръ, тоже должны играть геральдическую роль? Что въ данномъ тронѣ мы имѣемъ дѣло только съ подражаніемъ буддійской иконѣ, т. е. только съ простымъ украшеніемъ, а не съ гербомъ, можно видѣть изъ того, что подобныя же драконьи головы орнаментируютъ буквы перваго пояса; а это обстоятельство необходимо должно было ослабить геральдическую идею художника, если онъ ее имѣлъ.

Если бы на сосудѣ дѣйствительно находился портретъ Кара-Арслана, то это было бы пріобрѣтеніемъ большой важности; но ничего подобнаго я здѣсь не вижу. Это не только не попытка дать портретное изображеніе, не только не шаблонное стремленіе къ этой цѣли, а прямо нелѣпое изображеніе человѣческаго лица. Берется круглая серебряная пластинка, на которой проводятся рѣзцомъ глаза, носъ и ротъ; но исполняется это такимъ примитивнымъ способомъ, что по рисунку нѣтъ никакой возможности рѣшить: представлено ли въ томъ или въ другомъ

1) *Записки Восточнаго отдѣленія И. Р. А. О.*, т. XVIII, вып. 4, Протоколы, стр. XVI—XVIII.

2) Если не ошибаюсь, первая монета съ дракономъ относится къ 585 г. гиджры (1189 г.) и принадлежитъ Имад-ад-Дину Абу Бекру (съ 581 г. — около 600 г.) и описана въ «The international numismata orientalia» (London, 1875) такъ: Figure, almost naked, on serpent; tail of serpent coiled six times; extremity held in left hand of figure. «Coins of the Urtuki Turkumans». By Stanley Lane Poole. P. 23.

www.library.orientalis.org

случаѣ лицо мужское, или женское? Сидящій на тронѣ человѣкъ изображенъ молодымъ, между тѣмъ ко времени изготовленія сосуда Кара-Арсланъ процарствовалъ слишкомъ 15 лѣтъ, а потому едвали ему, хотя бы и туркмену, подобало совсѣмъ безбородое лицо [1]).

Чтобы сближать изображеніе львовъ на ручкѣ котелка съ именемъ Кара-Арслана — «Черный Левъ» — надо сперва доказать, что подобная символизація въ мусульманскомъ мірѣ допустима и возможна. Но тогда и другія формы ручекъ въ видѣ змѣй, птицъ и т. д. придется объяснять тоже символизаціей и видѣть въ нихъ намекъ на человѣка.

Самъ котелокъ дастъ о своемъ происхожденіи, о времени и мѣстѣ его изготовленія вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія, и ни малѣйшаго намека на владѣльца Хиснъ-Кейфы Кара-Арслана тамъ нѣтъ, а напротивъ имѣется указаніе на другую мѣстность: на городъ Гератъ.

1) Повидимому, на г. Иностранцева подѣйствовала въ данномъ случаѣ статья Карабачека «Zur orientalischen Altertumskunde. Sarazenische Wappen». (*Sitzungsberichte d. Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien.* 157 B. Wien, 1907).

www.library.chersonesos.org

Рис. 6.

Поправки и дополненія.

Пользуюсь указаніями академика С. Ѳ. Ольденбурга, чтобы исправить слѣдующія неточности, допущенныя мною при описаніи мандала изъ Хара-хото (стр. 18): 1) на тронѣ сидитъ не Будда, а богиня Ушнишавиджая (Uṣnīṣavigayā); 2) вмѣсто выраженія «вокругъ трона, съ четырехъ сторонъ изображены головы чудовищъ, похожія на драконьи», правильнѣе сказать: «въ четырехъ воротахъ стѣны, окружающей богиню, находятся мáкара (makara), напоминающіе драконовъ», мотивъ очень распространенный въ буддійской иконографіи.

Благодаря исключительной любезности С. Ѳ. Ольденбурга, заказавшаго для меня въ Берлинѣ, во время своей послѣдней поѣздки за границу, нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ восточныхъ древностей, я получилъ возможность дополнить свое описаніе трона на гератскомъ котелкѣ новыми рисунками, подтверждающими, какъ мнѣ кажется, мое мнѣніе, что по сторонамъ трона изображены не геральдическіе драконы, а просто столбики съ тѣми или другими украшеніями.

Рисунокъ № 6-й изображаетъ крышку отъ бронзовой шкатулки, находящейся въ Императорскомъ Фридрихъ-музеѣ. Серебряная набивная инкрустація въ значительной степени утратилась, что сильно вредитъ художественному впечатлѣнію, но въ общемъ рисунокъ вполнѣ ясенъ. Съ трона, на довольно высокихъ ножкахъ, свѣсился внизъ коверъ фигурнаго вида, какой

www.library.orientalstudies.org

ковры обыкновенно не имѣютъ; повидимому, художникъ не понялъ, что́ за предметъ предстояло ему изобразить, и вмѣсто ковра представилъ какое-то украшеніе трона съ завитками по обѣимъ сторонамъ его. Столбики трона очень высокіе и имѣютъ вверху раструбы въ видѣ чашъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ служить геральдическимъ изображеніемъ. На тронѣ возсѣдаетъ царь въ длинномъ одѣяніи, запахнувшись правою полою, въ коронѣ, окруженный нимбомъ. Онъ сидитъ не прямо на помостѣ, а совсѣмъ необычно: какъ-бы на скамейкѣ или табуретѣ, поставленномъ на тронѣ, или же на подушкахъ (этого предмета не видно). Въ правой рукѣ царь держитъ сосудъ, а что у него въ лѣвой — сказать трудно, повидимому, рукоятка отъ меча. По обѣимъ сторонамъ трона поставлено по стражнику. Стоящій влѣво отъ царя держитъ топоръ въ лѣвой рукѣ и на лѣвомъ плечѣ, а правою рукою подаетъ царю какой-то предметъ, пришедшійся поперекъ столбика отъ трона; на поясѣ виситъ длинный мечъ; на головѣ небольшая шапочка, лицо окружено нимбомъ. Стоящій справа держитъ въ лѣвой рукѣ три стрѣлы остріями вверхъ; что́ у него въ правой рукѣ, этого я понять не могъ; на поясѣ такой же мечъ, какой у перваго стражника; нимбъ вокругъ лица и шапочка, какъ у перваго. Весь рисунокъ заключенъ въ рамку изъ меандровъ китайскаго типа.

Рис. 7.

Рисунокъ № 7-й полученъ съ поперечной стороны той же бронзовой шкатулки. Тронъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, который изображенъ на рисункѣ 6-мъ; но еще болѣе

www.library.chersonesos.org

уклонился отъ первоначальныхъ традицій. Вмѣсто ковра изображена фигурная плетенка, которую мы иногда встрѣчаемъ на татарскихъ монетахъ XIV в., а также на русскихъ суздальско-нижегородскихъ XV в.; столбики очень тонкіе, точно изъ тростника, расширяются вверху раструбами, какъ у предыдущаго трона, и гармонируютъ съ цвѣтами на тонкихъ стебляхъ по обѣимъ сторонамъ трона. На тронѣ сидитъ молодой царь, нѣсколько неестественно сложивъ ноги; на немъ зубчатая корона, лицо окружено широкимъ и сложнымъ нимбомъ; въ правой рукѣ онъ держитъ, надо думать, кубокъ, лѣвую опустилъ внизъ. Царь заключенъ въ круглую рамку изъ меандровъ китайскаго типа. По обѣимъ сторонамъ царя поставлены два стражника въ длинномъ одѣяніи, въ небольшихъ шапочкахъ на головѣ и съ широкими нимбами вокругъ лица. У каждаго стражника на плечѣ булава, у стоящаго отъ царя влѣво — кубической формы, у другого — шарообразной формы.

Рис. 8.

Рис. 9.

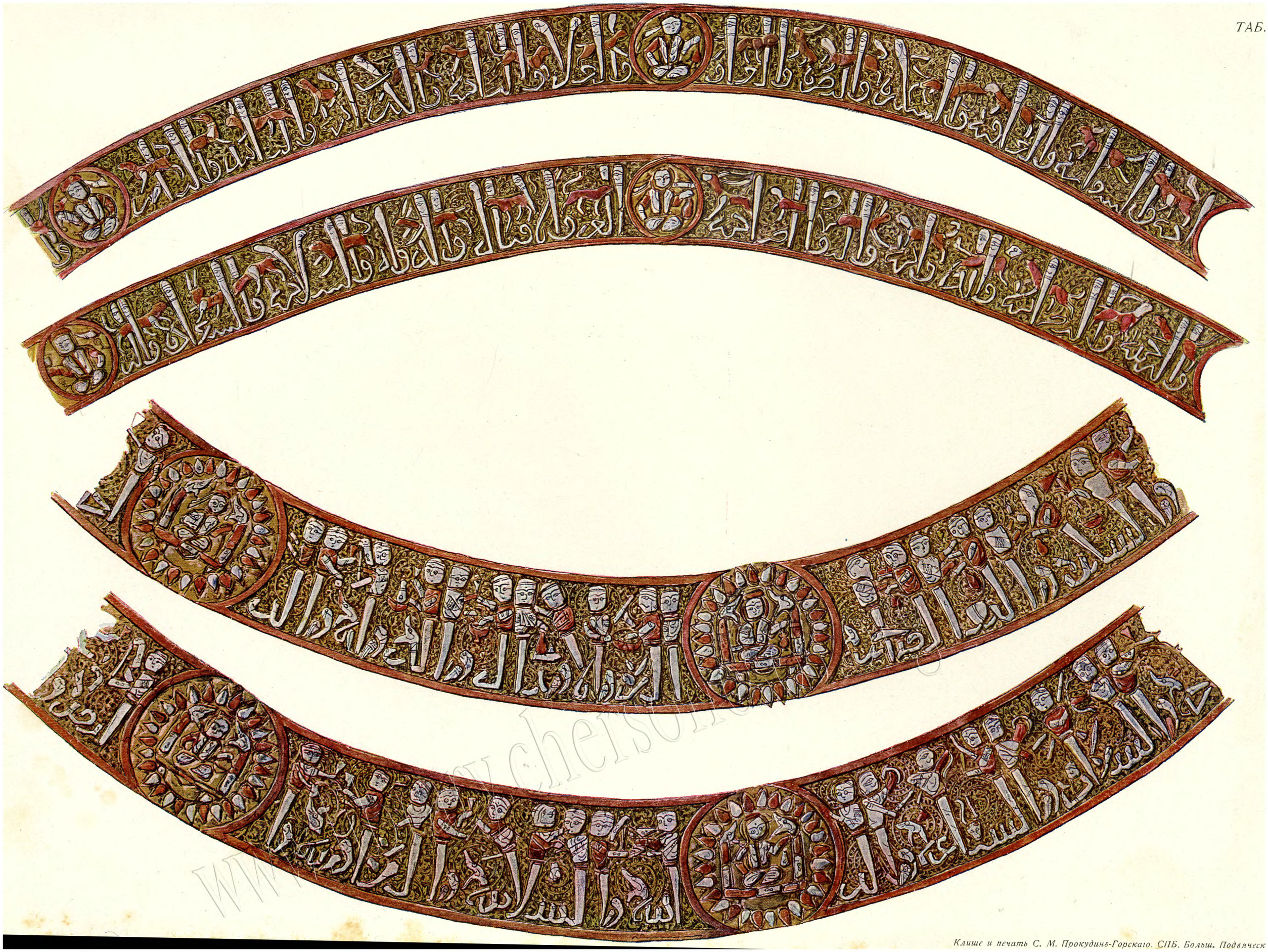
Рисунокъ № 8-й. Нѣсколько иной видъ трона представленъ на обломкѣ поливной персидской фаянсовой чаши изъ собранія профессора Ф. Саре, который предоставилъ въ мое распоряженіе снимки какъ съ этого, такъ и съ слѣдующаго изображенія, за что я приношу г. Саре мою глубокую благодарность. Тронъ стоитъ на четырехъ ножкахъ; коверъ обозначенъ двумя изогнутыми полосами; вверху столбиковъ утвержденъ карнизъ, а на немъ помѣщены два насада, окраска которыхъ мѣняется: у одного низъ темный, а верхъ свѣтлый, у другого наоборотъ; тотъ же порядокъ наблюдается и на ножкахъ трона. Такой пріемъ мы видимъ на металлическихъ сосудахъ, когда орнаментировки серебромъ и бронзою чередуются между ними въ обратномъ порядкѣ. На тронѣ сидитъ, судя по ниспадающимъ волосамъ, царица съ украшеніемъ на лбу и въ нимбѣ. Съ двухъ сторонъ трона прислужницы, не имѣющія нимбовъ.

Рисунокъ № 9-й снятъ съ подобной же чаши, также изъ собранія г. Саре. На четырехъ столбикахъ трона утверждены четыре насада, что вполнѣ наглядно опредѣляютъ ихъ значеніе.

www.library.chersonesos.org

Мнѣ остается еще исправить одну ошибку, вкравшуюся въ цвѣтное воспроизведеніе пятой сцены изъ состязаній, на таблицѣ V (верхняя полоса). Въ описаніи сказано вѣрно, что сидящій съ поджатыми ногами человѣкъ имѣетъ бороду (стр. 8); между тѣмъ при наложеніи красокъ получилось молодое лицо, что несогласно съ дѣйствительностью. **Н. В.**

www.library.chersonesos.org

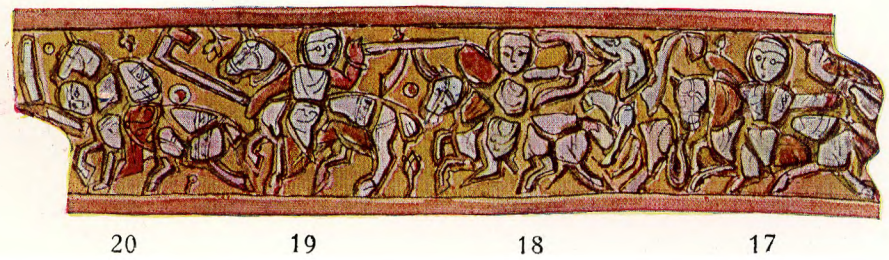


Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПБ. Больш. Подъяческ

www.librarychersonesos.org

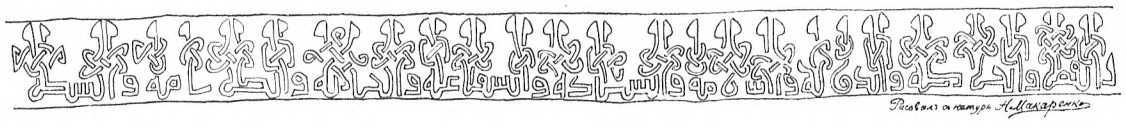
I.

II.



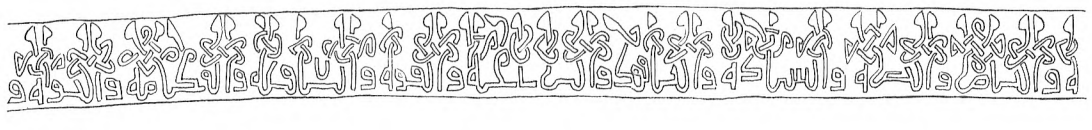
www.library.chersonesos.org

1.

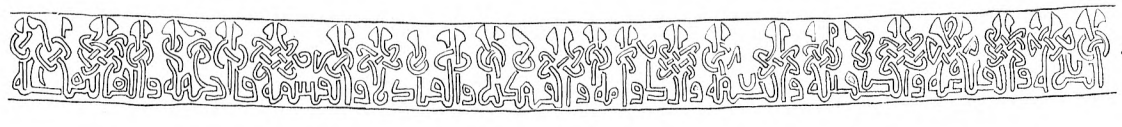


Рисовал и гравировал А. Шахаренко

2.



3.



№ 1.

№ 3.

№ 2.

www.library.chersonesos.org

www.libraryofislam.org

ТАБ VIII.

www.library.chernobyl.org

www.library.chersonesos.org

№ 1.

№ 2.

№ 3.

www.library.chersonesos.org